

Однако в работе с историографией встречаются и недоразумения. Так, на с. 231 автор пишет, что в последние десятилетия предпринимаются попытки передатировать смерть Сертория 73 годом, и к числу сторонников таких попыток отнесена работа Б. Скардильи, в которой, как следует ниже из изложения самого же И.Г. Гурина, в качестве даты смерти Сертория отскаивается не 73, а именно 72 год¹⁶. На с. 259 читаем: «Валенция также капитулировала в 71 г. в наместничество Л. Афрания», после чего дается ссылка на статью К.Ф. Конрада. Между тем в этой статье сказано следующее: из Флора «...известно, что сопротивление продолжалось долгое время после убийства Сертория. По-видимому, Валенция также капитулировала не сразу после этого. О продолжении прямых боевых действий против города или о его покорении говорить конечно, не приходится: до конца 72 г. войска Помпея и без того были заняты осадой очагов сопротивления на кельтиберском плоскогорье. *Остается предполагать* (курсив мой. – А.К.), что до ухода Помпея из Испании в конце 72 г. Валенцию не трогали и лишь в следующем году состоялась ее формальная капитуляция – уже перед новым наместником, Л. Афранием»¹⁷. Думается, что ссылаться на допущение как на бесспорный факт неверно.

Тем не менее, несмотря на эти огрехи и спорность некоторых выводов, монография И.Г. Гурина представляет большой интерес и является серьезным вкладом в исследование Серторианской войны.

А.В. Короленков

© 2005 г.

J.-M. BLÁZQUEZ. Trajano. Madrid: Издательство «Ariel» (серия «Biografías»), 2003. 309 с.*

Образ Траяна, с которым традиционно ассоциируется эпоха золотого века Римской истории, вызывает заслуженный интерес в современном европейском антиковедении. В испанской историографии последнего десятилетия этому императору отводится почетное место как выходцу из Южной Испании, своей деятельностью прославившему Рим. Работа Х.-М. Бласкеса «Траян» – одно из самых последних научных подтверждений этого тезиса. Особенность рецензируемого труда состоит в том, что по своему содержанию он не является чисто биографическим; его автор поставил задачу создания такого исследования, которое было бы посвящено также эпохе Траяна и базировалось бы исключительно на достоверных источниках (с. 15).

Работа состоит из пролога, введения, 13 глав и заключения. Она снабжена картами, таблицами, схемами, списком основной литературы. Специальная глава посвящена анализу источников и историографии темы (с. 19–30). В историографическом разделе приведены основные оценки личности Траяна, высказанные в современной европейской историографии, в том числе и в работах М.И. Ростовцева.

По мнению Х.-М. Бласкеса, особого внимания заслуживает характеристика личности императора Траяна, сформулированная С. Монтеро Диасом¹. В представлении этого мэтра испанского антиковедения XX в. Траян был фигурой весьма противоречивой, в своей деятельности он опирался то на постулаты Сенеки, то на принципы стоицизма (как видим, в понятии С. Монтеро сенекизм и стоицизм различались между собой). «Траян – более римлянин, чем Гай Юлий Цезарь, и такой же истинный римлянин, как Август». Две его основные страсти – это пашня и победа, война и сельскохозяйствен-

¹⁶ Scardigli B. Sertorio: Problemi cronologici // Athenaeum. 1971. 49. P. 259–270.

¹⁷ Konrad C.F. Afranius Imperator // Hispania antiqua. Valladolid, 1978. T. 8. S. 73–74.

* Рецензия подготовлена в рамках исследовательского гранта РФФИ (проект № 04-06-80095).

¹ Montero Díaz S. El estado universal de Trajano // Estudios Clásicos. Madrid, 1955. 3. P. 10–24.

ный труд, а его кредо состоит в том, что «для спасения Империи нужно спасти Италию». Он презирает демагогов и финансистов. Итак, по мнению С. Монтеро, которое импонирует Х.-М. Бласкесу, Траян – это крестьянский воин, в отличие от Цезаря он не мог сказать: «Veni, vidi, vici», поскольку Цезареву девизу «veni» он предпочитал серьезный предварительный расчет (с. 28).

В 1990-х годах основные линии концепции С. Монтеро Диаса получили свое самостоятельное развитие. В частности, Х.-М. Бласкес выделяет статью Х.М. Рольдана² о Траяне как великодушном администраторе, строителе городов, превосходном воине, знатоке культуры (с. 28–29). Из других работ 1990-х годов внимания Х.-М. Бласкеса заслуживает монография Р. Гонсалес Конде, посвященная изучению вопроса о войне и мире и об отношении к нему Траяна и различных политических групп его времени³. Исследовательница высказывает интересную, по мнению Х.-М. Бласкеса, точку зрения о том, что в 110–111 годах в Риме оформляется блок противников военной политики Траяна, который активно ищет ему преемника и находит его в лице Адриана⁴.

II глава посвящена характеристике политики Нервы, приведшего к власти Траяна. В ней ставится вопрос, в какой степени Траян явился продолжателем дела своего предшественника и почему он довольно быстро отдал предпочтение политической программе и идеологическому кредо Домициана (с. 33).

Центральное место в главе отведено вопросу о механизме усыновления Траяна Нервой и идеологическом обосновании этого акта. В историографии существует практически единодушное мнение о том, что выбор Нервы пал на Траяна за его военные доблести и заслуги. Х.-М. Бласкес, вслед за Х. Штробелем, подвергает сомнению этот тезис, считая, что военного похода Траяна во главе Legio VII Gemina (89 г.) и исполнения им обязанностей консула 91 г. явно недостаточно для столь важного политического решения Нервы (с. 41). Более приемлемым исследователю представляется вариант объяснения акта усыновления, который изложен А. Канто и Р. Гонсалес Конде: это результат влияния на императора его приближенного Л. Лициния Суры, испанца по происхождению, ставшего впоследствии правой рукой Траяна (с. 42). Церемония имела место на Капитолии в присутствии сената, народа и изображений римских богов. Она должна была засвидетельствовать consensus universorum, а ее кульминацией явилось объявление Траяна императором, носителем *tribunicia potestas* и *imperium proconsulare maius*. При этом были допущены два правовых нарушения – отсутствие на церемонии претендента и его неиталийское происхождение (с. 45).

В III главе Х.-М. Бласкес, опираясь на детальную проработку А. Канто⁵ вопроса о родительской семье и родственных связях Траяна, солидаризируется с ее очень интересным выводом о существовании – наряду с династиями Юлиев-Клавдиев, Флавиев и Северов – династии Ульпиев-Элиев, или так называемой «испанской династии» (с. 62). Она включала шесть последовательно сменившихся друг друга *imperatores externi* (по терминологии Аврелия Виктора), которых объединяли узы кровного родства и которые имели очень прочные связи с испанской Бетикой. Нерва же явился *auctor necessarius*, так как, усыновив Траяна, он дал начало этой династии.

Траян по отцовской линии происходил из рода *Traibia* (позже его стали произносить как *Traia*). Эта семья не прибыла из Италии, а имела чисто испанские, турдетанские корни. Она 11–12 раз засвидетельствована как таковая в элиграфике Бетики, в то время как «упоминания этого генонима за пределами Испании исключительно редки». *Traibia* являлись собой пример одной из туземных фамилий, допущенных Римом к участию в основании римских колоний начального периода романизации (Италика, Корду-

² Roldán J.M. El siglo de Trajano // Historia. Madrid, 1998. XXII. 16. P. 54–62.

³ González Conde M.P. La guerra y la paz bajo Trajano y Adriano. Madrid, 1991.

⁴ В конце первой главы Х.-М. Бласкес упоминает о подготовке к публикации двух сборников работ о Траяне, состоящих из докладов на летних научных семинарах Отделов древней истории Университетов Complutense (Мадрид) и Наварры. В настоящее время оба сборника опубликованы.

⁵ Canto A.M. Saeculum Aelium. Saeculum Hispanum: Promoción y poder de los hispanos en Roma / Ed. A. Canto. Hispania. El legado de Roma. En el año de Trajano (catálogo de la exposición). Zaragoza-Madrid, 1998. Madrid, 1999. P. 209–254; eadem. Las raíces Béticas de Trajano. Los Traii de la Itálica turdetana, y otras novedades sobre su familia. Sevilla, 2002.

ба, Картейя) как семья высокого социального положения, престижа и богатства, с одной стороны, и весьма расположенная к римскому *modus vivendi*, с другой. Четвертый или пятый прадед Траяна, М. Trahius, C. f., был претором Италики (когда она существовала в статусе колонии римского права), влиятельным и богатым человеком. Отец Траяна, в эпоху Флавиев ставший известным полководцем, женился на одной из дочерей М. Ульпия (Marcianus?), выходца, скорее всего, из Италии. Следовательно, материю Траяна должна была быть *Ulpia Marciana, M. f.*, и этим объясняется тот факт, что сестра Траяна носила это же имя. Одна из теток Траяна по материнской линии может быть отождествлена с богатой *Ulpia Plotina, M. f.* Она вышла замуж за Л. Помпея и родила в этом браке дочь, ставшую впоследствии супругой Траяна, поскольку кровные браки в аристократической среде Турдетании были нормой. Таким образом, заключают А. Канто и вслед за ней Х.-М. Бласкес, предки Траяна по своему происхождению относились к *familia antiqua magis quam clara*, как сказал об этом еще Евтропий (с. 49, 54). Три ее ствола (Траин, Марции и Ульпии) вполне восстанавливаются по материалам письменной традиции; они представляли древние и богатые муниципальные элиты Италики, участвовавшие в местном и провинциальном управлении провинции *Hispania Ulterior* эпохи Поздней республики и раннего принципата. Итак, выбор Нервы, павший на Траяна, представляется А. Канто и Х.-М. Бласкесу вполне мотивированным, а сам Нерва оказался создателем династии Ульпиев-Элиев. Эта династия имела такие глубокие испанские корни, что вполне может называться «испанской династией римских императоров» (с. 62).

В небольшой IV главе «Военная и управленческая подготовка и образование Траяна» (с. 65–72) рассматривается деятельность Траяна в качестве наместника Верхней Германии (96–98 гг. н.э.). Пребывание вдали от Рима, на северных рубежах империи, в недружественно настроенной варварской среде должно было закалить Траяна и дать ему хороший опыт управления (с. 71).

В главах V–XI Х.-М. Бласкес характеризует Траяна как полководца и политика высшего ранга в Римской империи II в. н.э.

В V главе перечисляются первые шаги нового императора. Опорой власти ему служило согласие, которое установилось между сенатом, сенатской аристократией и институтом принципата. Это согласие продолжило свое существование и позднее, когда – после завоевания в 106 г. Дакии – положение самого императора оказалось неустойчивым. Для его стабилизации Траян использовал институт персональных связей, личной дружбы и преданности (с. 75–76). Пользуясь также духовными ценностями и идеалами войска, плебса и интеллигенции, он надолго создал себе харизму. Так власть Траяна приобрела религиозный и харизматический характер, а он сам был вознесен, подобно богу, над простыми смертными. Его стали называть *optimus princeps* (с. 76–77). Х.-М. Бласкес относит такой вариант взаимодействия Траяна с другими политическими институтами исключительно к ловкости императора, которому, «как и Августу, удалось спрятать за фасадом республиканских учреждений свою абсолютную власть». Сенат не считал его тиранической, а Траяна величал *dominus*’ом. В пропаганде своей власти Траян использовал опыт Домициана, который, будучи автократом, тираном и убийцей, намеревался войти в историю в образе положительного правителя. Религиозно-харизматическая легитимность автократического режима Траяна очень хорошо проявила себя в его военных победах и нашла всяческую поддержку в официальной пропаганде. Пропагандистская политика Домициана, как и сам способ его прихода к власти (при отсутствии принципа династийности власть императора была прочно увязана с властью главнокомандующего и даже срослась с нею), оказались востребованными Траяном, хотя он сам неоднократно говорил о стремлении обособиться от идей и принципов Домициана как авторитарного руководителя Римского государства (с. 78). Такой механизм власти принуждал императора к проведению активной внешней политики и ко все новым военным победам. Сделав этот вывод, Х.-М. Бласкес переходит к характеристике военных кампаний и побед Траяна на Востоке и в Центральной Европе, а также его политики на завоеванных территориях (главы VI–VIII соответственно).

Основным источником для оценки миссии императора в Дакии автору служит знаменитая колонна Траяна, композиция которой объединяет последовательно связанные

между собой темы: отправление войска, битвы, речи-обращения императора, приведение к повиновению побежденных, религиозные церемонии, возведение фортификационных сооружений и дорог, преследование неприятеля в лесах, штурм вражеских крепостей, оборона дакийцев, приношения в жертву военнопленных, бегство и самоубийство Децебала, разорение дакийцев и их поселений, депортация дакийцев. Эти разнообразные сцены служат фоном для воссоздания образа самого императора. Траян всегда одет как верховный главнокомандующий, окружен преторианцами и своими полководцами, всегда уверен в себе и хладнокровен (с. 83–84).

Автор дает характеристику римского войска, включавшего 30 легионов и множество вспомогательных частей. Войскового резерва не существовало, но в случае необходимости граждане римских колоний были обязаны встать в строй по первому призыву. Общий численный состав достигал 350 тыс. человек (с. 105).

Первая Дакийская война, закончившаяся не полной победой, а мирным компромиссом, не позволила пропаганде Траяна объявить императора сувереном. Так обозначилась, по мнению Х.-М. Бласкеса, необходимость во второй войне с даками (с. 111). Однако ей предшествовала кампания в Nabateyском царстве, которое стало провинцией Аравия и основным каналом торгово-экономических связей Рима с Востоком, включая Индию и Китай. Приобретение богатой добычи и триумф (102 г.) позволили Траяну «со свободными руками» вернуться к дакийской проблеме. Официальным поводом послужила необходимость отразить неосозданное нападение Децебала на римские форты Западной Трансильвании. На этот раз Траян вышел победителем (с. 106) и на законных основаниях получил триумф (с. 113). Воздвигнутая в его честь Колонна и открытие Форума в 112 г. как нельзя точно отражают процесс героизации личности императора, который был развернут официальной пропагандой, а монументальность и помпезность упомянутых сооружений самым адекватным образом вписываются в удобную Траяну концепцию его власти и в оценку его как деятеля, превзошедшего Цезаря, Августа и даже Александра Македонского (с. 113).

В 114 г. Траян вмешался в династический конфликт в Армении под предлогом необходимости восстановления власти Экседара, союзника Рима, изгнанного Хосроем, царем парфян, в угоду Партамасириса (старшего брата Экседара). Победа досталась Траяну быстро и легко: Партамасирис был убит, а Армения была объявлена римской провинцией и должна была послужить плацдармом для похода против Парфии (с. 114).

К традиционно перечисляемым причинам и поводам давнего и напряженного конфликта Рима и Парфии Х.-М. Бласкес – вслед за Х. Мартинесом Пинной⁶ – относит стремление Траяна к славе и созданию мировой державы, с одной стороны, и эйфорию, которая воцарилась в Риме после победы над Дакией, с другой (с. 115). Два первых периода войны закончились победоносно, и сенат присвоил Траяну титул *Parthicus*. Император заранее обдумал стратегию и взвесил военный потенциал своего государства, и в 116 г. Ктесифонт, столица Парфии, сдалась на милость победителя. И хотя этот акт не привел к падению Парфянского царства, тем не менее границы Римской империи были существенно расширены, а казна пополнена, и римский сенат «весьма пылко» предложил Траяну целую серию высочайших почестей, издав одновременно указ о сооружении в его честь триумфальной арки.

Финалом военной политики Траяна на Востоке послужило подавление ряда крупных выступлений иудеев против греков и римлян на Кипре и в Египте (с. 116–118). Только иудеи Месопотамии заслужили своего рода прощение за свою строптивость, а сама иудейская проблема была унаследована таким образом Адрианом (с. 118).

В VII главе «Политика Траяна на Востоке» затронуты некоторые аспекты вопроса об организации управления на покоренных территориях: 1) частичная реорганизация управления во Фракии, направленная, как вслед за К.П. Джонсом⁷ считает Х.-М. Бласкес, на передачу части властных полномочий центра на места; 2) создание новых городов (восемь из которых были связаны, кстати говоря, с именами самого Траяна и его супруги (а также матери?) Ульпии и предназначены на роль столиц различных племенных объединений); 3) сохранение немногочисленных греческих городов. Складывается

⁶ *Martínez Pinna J. El Imperio Universal // Historia. 1998. XXII. 16. P. 63–73.*

⁷ *Jones C.P. An oracle Given to Trajan // Chiron. 1975. 5. P. 403–406.*

впечатление, указывает Х.-М. Бласкес, что Траян в своей урбанизационно-административной деятельности отдал предпочтение приморским территориям Пропонтиды и Эгеиды в противовес политике местных правителей, опиравшихся на аграрные слои населения подвсдомственных им земель (с. 122). Подобным же образом (т.е. методом от противного) было реорганизовано управление в Набатейском царстве и Вифинии. В Понтийском царстве Траян, следуя традиции, оставил у власти местных царей, обязав их, однако, подчиняться Риму. Там были оставлены три римских гарнизона. Власть в Малой Армении была передана наместнику Каппадокии (с. 123).

Для анализа деятельности Траяна, направленной на романизацию Центральной Европы (см. VIII главу), Х.-М. Бласкес избрал в качестве модели город *Ulpia Traiana* (древн. *Xanten*), который получил от императора статус колонии (не ранее 98 г.) и обитатели которого, германцы, жили бок о бок с горняками, строителями, инженерами из числа римских ветеранов. Основой для их взаимодействия служило римское право. К концу I в. н.э. этот уголок Германии был романизован (с точки зрения урбанизма, языка, письма, религии и т.д.), и немалую роль в этом сыграло присутствие римского войска, а также сословие декурионов. Другой аспект той же самой деятельности Траяна – это его меры по упорядочению римской границы обеих Германий, начатому Домицианом в 81 г. и последовательно проводившемуся самим Траяном. В приграничных районах по воле императора возводились города, которые быстро богатели благодаря торговле и притоку населения. По соседству с этими городами возникали многочисленные крепости, фактории и *villae rusticae*. Путем строительства фортов и лагерей, развернутого еще при Домициане, был укреплен *limes* на Рейне и Дунае, в середине II в. н.э. его длина составила 530 км, он охранялся 22000 легионеров и 38000 воинов вспомогательных частей (с. 133–135). Привлекательность римского образа жизни стимулировала процессы концентрации местного населения вдоль границы, укрупнения их сел и возникновения – не без участия Рима – городов (например, *Raetia Augusta Vindelicum*, совр. Аусбург) с *canabae* по соседству (с. 136–142). Римские войны, так же как и градостроители, сыграли большую роль в романизации Германии и Реции: они создавали семьи с туземками, а по окончании срока службы оформляли браки по законам Рима и передавали право римского гражданства своим женам и детям. В ходу были латинский язык и письмо, распространялись погребальные обычаи и римские религиозные представления. Оппозицию процессу романизации составили лишь галльские друиды. Траян активизировал процесс вовлечения туземной знати в политическую жизнь Рима, включения в состав сената ее представителей.

Неослабным было внимание Траяна к Паннонии, граница которой составляла 700 км и имела 36 крепостей. Отношениям с восточными соседями паннонцев, сарматами, был придан союзнический характер, конница языгов сражалась против даков в составе войска Траяна. В 107 г. римский император установил союзнические отношения с роксоланами (с. 143–144). Поскольку в правление предшественников Траяна менее устойчивыми были отношения с Мезией, основанной в статусе провинции в 18 г., то начиная со 101 г. он строит там города, дарует статус городов римского права Никополю, Истру, Марцианополно, создает муниципии (с. 149–150).

Особых забот требовала организация провинции Дакия, объявленной императорской, но за время войн потерявшей одну десятую часть своего населения и нуждавшейся в его пополнении. Евтропий пишет, что ключевыми пунктами дакийской программы Траяна были колонизация (силами жителей Паннонии, Норика и Иллирии), романизация и связанная с ними аккультурация. Большую роль в выполнении дакийской программы Траян отвел своим легионерам. Более 40000 воинов остались в Дакии после демобилизации и внесли свой вклад в дело процветания провинции, продлившееся по крайней мере до эпохи Аврелиана (с. 151–153).

В IX главе «Политическая программа Траяна» рассматривается ряд вопросов внутренней политики императора. Ее успехи Х.-М. Бласкес связывает с превосходными отношениями Траяна и сената, позволившими поставить вровень с законами императорские эдикты и мандаты. Сенатусконсульты и императорские конституции стали трактоваться как ведущие нормы права и единственные источники легисляционной деятельности. Возросла роль *Consilium principis* и префектов претория, были введены

пытки рабов и либертинов в случае убийства *pater familias*. С другой стороны, были сокращены до минимума сроки предварительного заключения, запрещены анонимные доносы и разоблачения, а также вынесение приговора в спорных случаях. Были введены манумиссии по фидеикомиссам. Траян с великодушием Гая Юлия Цезаря раздавал права римского гражданства, установил право для экс-декурiones. При нем было основано много колоний и муниципиев, к контролю за сохранностью казны которых он подходил со всей строгостью (с. 165–166). На местах проводниками его воли были *curatores* различного статуса, *legati* и *correctores*. Прославился он и как инициатор обширной строительной программы, ориентированной как на Рим, так и на провинции (с. 167–178). При Траяне развиваются скульптура (главным образом портретная, с. 178–180) и искусство мозаики (с. 180–194)⁸.

В X главе «Траян и провинции» развивается тезис о той большой роли, которую Траян отвел испанскому клану в реализации своей провинциальной политики, в решении вопросов войны и мира. Испанский *gens* вышел на историческую арену Рима при Флавиях и удержался на ней вплоть до середины эпохи правления Адриана. В начале правления Траяна римский сенат включал в свой состав (из 412 сенаторов) 27 испанцев, впоследствии из 53 новых членов сената 14 были выходцами из Испании. Император доверял им самые высокие должности, а Адриана усыновил и сделал своим преемником (с. 201–202).

В XI главе Х.-М. Бласкес характеризует экономическую политику Траяна, выдвинув на первое место ее чекан монеты. На монетах, отчеканенных в великом множестве по повелению Траяна, основную смысловую нагрузку, кроме номиналов, несут образы, а не легенды. На аверсе обычно выбивался рельефный портрет императора – на ранних монетах в паре с Нервой, впоследствии с членами собственной семьи. Смысл императорского послания пользователям денег был весьма разнообразен, но всегда историчен или историко-мифологичен. Он вращался вокруг трех тем: война и мир, внутреннее устройство общества, забота о создании памятников культуры и их поддержания в порядке. Но главной политической заботой Траяна являлась демонстрация сенату постулата о приоритете собственной власти и божественности собственной персоны. С этой целью на первых эмиссиях дупондиев частым сюжетом был, например, дакийский, замененный вскоре на изображение сцены триумфа Траяна в связи с победой над даками. Для доказательства преданности войска использовались следующие изобразительные схемы: Нерва в тоге, а Траян – в военных доспехах; Траян в гражданском платье, стоя перед жертвенником, произносит речь, а перед ним – три воина, готовые к принесению присяги. Мастера композиции заботились, с одной стороны, о достижении особой плотности объема «кодируемой» информации, а с другой, о том, чтобы выразить ее с максимальной пользой.

Немало труда требовало решение финансовых проблем. Траяну постоянно приходилось балансировать между стремлением к сокращению расходов и неприятием сенаторами этого курса. Однако императору удалось все же тезаурировать большой процент старых монет, тяжелых по весу и чистых по составу, а наращивание внешнеторгового оборота еще более стабилизировало римскую казну и создало запасы золота. Ради накопления этого металла Траян повелел резко сократить его использование при чеканке монет, увеличив чекан из дакийского серебра (с. 221–227).

В экономической политике Траяна вызывает интерес ее демографический аспект. Х.-М. Бласкес указывает, что половина из 1197 городов Италии нуждалась в помощи государства, т.е. в совершенствовании алиментарной политики, и со 101 г. император начал активное претворение в жизнь идеи (сформулированной Нервой) о том, что *alimenta* – это предоставление средств путем кредитования под невысокий процент, например под 5% в Веллеге, 2,5% в Беневенте и т.д., а также оказание помощи детям (главным образом мальчикам как будущим воинам), потерявшим родителей в беско-

⁸ Параграф о мозаичном искусстве Рима эпохи Траяна, написанный совместно с одним из ведущих специалистов Испании в этой области Г. Лопес Монтеагудо, отличается большой обстоятельностью. Основные линии развития этого вида искусства см. *Лопес Монтеагудо Г. Испано-римские мозаики на мифологические сюжеты в I–II вв. н.э.* // ВДИ. 2004. № 4.

нечных войнах. Так Траян становится благодетелем в глазах большой части римско-италийского общества (с. 228).

Будучи известным специалистом в области экономики Испании I–III вв. н.э., Х.-М. Бласкес посвящает большую часть главы вопросам организации сельского хозяйства, горного дела (добыча золота, олова, серебра и т.д.) и торговли в этой части римского мира. Принцип построения раздела – географический: Италия – ведущие западные провинции. Исследователь отстаивает тезис о том, что в эпоху Траяна сельское хозяйство развивалось стабильно, а не находилось в структурном кризисе, как об этом нередко говорится в специальной литературе (например, представителями итальянской школы А. Карандини⁹, которые развивают идею кризиса рабовладельческого способа производства) (с. 229). Стабильность аграрной экономики явилась результатом успешно проведенной реструктуризации производства и реорганизации его управления, осуществленных в пользу среднего слоя собственников (см. с. 238–245), а некоторое падение экономической роли Италии было компенсировано успехами провинций (Испании и др.).

Для завершения политического портрета и биографии Траяна Х.-М. Бласкес включил в свою книгу главы о религиозных взглядах императора (VII глава) и о его отношении к художественной культуре (XIII глава). В первой из них автор выдвигает очень интересную гипотезу о том, что в своей пропаганде и практической деятельности «Траян старался избегать двух опасных крайностей в религиозном вопросе и в деле предсказаний и прорицаний – безбожия и суеверия» (с. 253). Эта гипотеза противоречит традиционному выводу, что Траян выступал сторонником консолидации веры, теософии и императорской власти. В целом же, по мнению Х.-М. Бласкеса, ему удалось дистанцироваться от необходимости развития религиозной доктрины. Большую роль в формировании такого подхода сыграл римский философский стоицизм. Отношение Траяна к Юпитеру было связано в большой мере с идеалами Диона и Плиния Младшего, а образ Геракла вдохновлял императора в его собственных героических подвигах. Очень почитались Траяном такие персонификации, как *Felicitas*, *Fortuna*, *Pietas*, *Providentia*, *Victoria*. Восточные культы и астрология не вызывали у императора ни священного трепета, ни особого рвения в служении им. Х.-М. Бласкес объясняет этот нейтралитет как характер императора, так и тем, что как *Pontifex Maximus* он должен был отдавать приоритет богам римского пантеона. Из восточных культов он проявлял наибольшую склонность к египетскому Серапису, персонифицировавшему плодородие, богатый урожай и изобилие. Это божество могло ассоциироваться в сознании императора и с тем фактом, что в его время Египет поставлял в Рим 1/3 из потребляемого в столице зерна (с. 259). Отношение Траяна к христианству было вполне терпимым, своим указом он даже запретил преследования христиан (с. 260). Аналогичной была его политика по отношению к оракулам: в отличие от многих своих предшественников он не занимался контролем соответствующих святилищ, даже если в советах их оракулов император выступал в качестве объекта *curiositas divinandī*. Таким образом, вопрос о закрытии важнейших оракулов в эпоху Траяна не ставился, он возник лишь в конце II в. н.э. Х.-М. Бласкес коснулся еще одной интересной темы: Траян и его отношение к пророчествам. Она отсутствует в других биографиях императора, но в новейшей испанской историографии ей посвящено специальное исследование¹⁰.

В заключительной главе «Литературная культура в эпоху Траяна» даны лаконичные портреты ведущих представителей исторической и художественной литературы Рима эпохи правления Траяна – Тацита, Плутарха, Диона Хрисостома, Плиния Младшего, Марциала, Ювенала, Силия Италика. Они оставили такой же глубокий след в культуре Рима, как и архитектор Аполлодор Дамасский, еще один выдающийся современник эпохи Траяна.

В заключении, подводя итоги, Х.-М. Бласкес еще раз обращает внимание читателя на незаурядность ума императора Траяна, его широкую образованность, глубокие профессиональные знания, прозорливость, ловкость и прагматизм. Автор поставил Трая-

⁹ Carandini A. Roma, anno 112: la III Orazione «Peri Basileias» di Dione di Prusa, Traiano philoikeios e una gemma del Museo Nazionale di Napoli // *Archeologia Classica*, 1966. 18. P. 125–141.

¹⁰ Montero Herrero S. Trajano y la adivinación: prodigios, oráculos y apocalíptica en el Imperio Romano (98–117). Madrid, 2000.

на в один ряд с такими выдающимися римскими политиками, как Август, с одной стороны, и Константин, с другой, по способности подчиняться предписаниям действующего права, доверию к наместникам, прочим правителям и войску и уменью направлять и контролировать их деятельность. Особого внимания заслуживает поддержанная Траяном практика политического усыновления, давшая прекрасные результаты.

Траян прославил себя как полководец-триумфатор, авторитетный глава Римской империи и превосходный управитель ее многочисленных провинций. Романизация при нем была стремительной и глубокой. Собственно римскому плебсу была адресована алиментарная политика императора с раздачей кредитов, рентой, «хлебом и зрелищами».

Траян дал начало новой династии Ульпиев-Элиев, правление которых совпало с эпохой золотого века Римской империи и ее культуры.

В личном плане Траян, являясь носителем традиций своего испанского – по корням – рода, всегда был тесно связан с *familia* и *amici*. Он был гуманистом по природе, и его правлению был свойствен патернализм. Он не запятнал себя кровью своих соотечественников. «Траян дал высокий образец для подражания правителям всех времен» (с. 286).

Основное достоинство рецензируемой книги состоит в попытке Х.-М. Бласкеса детально, обстоятельно, всесторонне воссоздать политическую биографию римского императора Траяна и показать жизнь возглавлявшегося им общества. Будучи написана с привлечением широкого круга источников, а также современной историографии, образно и хорошим языком, книга будет полезной как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и личностями, которые ее творили. Описательность и повторения, обнаруживающиеся в ряде случаев, не кажутся излишними, так как в отечественном антиковедении отсутствуют работы, специально посвященные Траяну и его многогранной и плодотворной деятельности по упрочению римского государства, консолидации общества, развитию культуры и ее широкому распространению в ходе романизации.

В.И. Козловская